

DOI: 10.31857/S013038640013842-4

© 2021 г. И.Ю. Смирнова

СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Рец. на книгу: «СВОИ» И «ДРУГИЕ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВОСПРИЯТИЕ
КУЛЬТУР ЗАПАДА И РОССИИ (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / под
ред. Т.Л. Лабутиной. СПб.: «Алтейя», 2020. 468 с.**

Смирнова Ирина Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

Рецензия подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-41016.

E-mail: irinasmirnova@mail.ru

Researcher ID: AAT-1503-2021

I.Yu. Smirnova

MODERN PROBLEMS OF HISTORICAL IMAGOLGY IN THE CONTEXT OF
INTERNATIONAL RELATIONS

**Rec. ad op.: “OUR OWN” AND “OTHERS”: INTERACTION AND PERCEPTION OF
THE CULTURES OF THE WEST AND RUSSIA (for the anniversary of Viktor Le-
onidovich Malkov) / ed. T.L. Labutina. Saint-Petersburg: “Aletheia”, 2020. 468 p.**

Irina Smirnova, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, the project № 20-09-41016.

E-mail: irinasmirnova@mail.ru

Researcher ID: AAT-1503-2021

Коллективная монография, подготовленная в Институте всеобщей истории РАН под редакцией д.и.н., проф. Т.Л. Лабутиной, «Свой» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России (к юбилею Виктора Леонидовича Малькова) продолжает проблематику, поднятую в монографии «Свой»/«чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России» (СПб., 2019), и направлена на осмысление развития взаимоотношений между различными народами и государствами в историческом контексте.

Нельзя не отметить широты охвата имагологической проблематики, поднятой в монографии, где представлены итоги новейших компаративистских исследований в области кросс-культурного

диалога в сфере политики, культуры, дипломатии, социальной конфликтологии. В задачи авторского коллектива входило рассмотрение концептуальных направлений имагологии, выявление общности и различий в культурных стереотипах как индивидов, так и социумов, обуславливающих диалог и/или противостояние Запада и России, анализ развития межгосударственных, межнациональных и межкультурных взаимоотношений на протяжении более чем тысячелетнего периода (X—XXI вв.).

Кто такие «свои», «другие», «чужие»? Насколько объективны наши оценки представителей другой культуры? Почему иностранцы нередко воспринимали жителей России как

«нецивилизованных варваров»? Сохранились ли подобные стереотипы сегодня? — вот лишь некоторые вопросы, на которые призвана ответить предлагаемая монография. Ее издание представляется тем более своевременным, что, как справедливо отмечено Т.Л. Лабутиной, теоретические основы изучения проблем межкультурных коммуникаций «еще не имеют устоявшихся отлаженных механизмов и методик» (с. 47). Акцентируя внимание на дискуссионных вопросах в области имагологии, Т.Л. Лабутина относит к ним и вопрос об интерпретации самого понятия этой дисциплины как науки о взаимовосприятии народами друг друга и взаимоотражениях разных культур.

В этом отношении представляет интерес точка зрения А. Буллера, придающего важное значение в понимании процессов кросс-культурной коммуникации «истории ментальности» и «межкультурной герменевтике», под которой он предлагает понимать «не только искусство интерпретации текстов, но и общую теорию восприятия и понимания действительности»¹. Относя понятия «свой»/«другой»/«чужой» к основополагающим философским категориям и анализируя их трансформацию при социальных конфликтах в образ «врага» (гл. 1), А. Буллер видит причины этого процесса не в этнорелигиозных и культурных различиях, а в «искаженных моральных представлениях и необоснованных нравственных суждениях». Подчеркивая тесную связь истории и морали (с. 26), автор отводит приоритетную роль анализу взаимовлияний социальных, этических, мировоззренческих и идеологических факторов.

В последующих главах монографии в хронологической последовательности прослеживается эволюция процесса взаимовосприятия и взаимодействия культур стран Европы, Азии, Америки, в фокусе внимания которых неизбежно и намеренно остается Россия. Не имея возможности отдельно останавливаться на каждой главе монографии, отмечу лишь основные тематические разделы, посвященные тем или иным аспектам исторической имагологии в сфере международных отношений.

К примеру, в отдельную группу можно объединить кросс-культурные исследования, охватывающие проблематику «свой»/«другой»/«чужой» в контексте взаимовосприятия и взаимовлияния культур стран Запада и России. Так, В.А. Антонов

(гл. 3) и О.Ф. Кудрявцев (гл. 4) затронули вопросы «государственно-географической» имагологии в контексте культурного диалога России и стран Западной Европы в средние века. Характерно, что авторы, несмотря на различный инструментарий (В.А. Антонов, опираясь на анализ западноевропейских и русских понятий о пределах Русской земли и их эволюции на протяжении X–XV вв., О.Ф. Кудрявцев, исследуя картографический материал середины XV в.), считают, что и в отношении понятий о пределах Русской земли, и в отношении имперского статуса Руси/России западноевропейские понятия формировались с заметным опережением русских.

К закономерному выводу о культурно-цивилизационной близости России и стран Европы пришли М.В. Кузьмина (гл. 5) и С.Е. Киясов (гл. 7), исследовавшие религиозно-идеологические аспекты имагологической проблематики. Но если М.В. Кузьмина рассматривает проблему восприятия «своих» и «чужих» сквозь призму исповедальных практик в XIV–XV вв. на христианском Западе (Франция) и на Руси, то С.Е. Киясов изучал процессы взаимовлияния и культурного обмена, имевшие место при контактах мasonicских лож Западной Европы и России в XVIII–XIX вв.

Как совершенно верно отмечено А.А. Орловым, проанализировавшим взгляды И.А. Гончарова на британское общество (гл. 8), и В.М. Аванесяном, представившим разбор взглядов Н.Г. Чернышевского на сложившуюся во Франции после переворота 2 декабря 1851 г. государственную систему (гл. 9), двусторонний межкультурный диалог служит важным фактором для понимания исторической эпохи и общественного менталитета, определявших тип и характер бинарной системы «свой»/«другой».

При этом, как неоднократно отмечено в монографии, восприятие образа «свой»/«иной» не является раз и навсегда установленной константой, а подвержено трансформациям образа «иного» от образа «другого» до образа «врага» и обратно в зависимости от тех или иных исторических реалий. Это, в частности, наглядно показано М.А. Ковалевым, который, исследуя эволюцию национальных стереотипов в представлениях британцев о России в правление Анны Иоанновны (гл. 6), выявил преобразование образа «врага» в образы «чужой»/«другой» при прекращении конфронтации между Британией и Россией после Северной войны, когда «образ врага» утратил свою актуальность.

К аналогичным выводам приходит О.И. Галкина, проследив эволюцию восприятия образа

¹ Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом (Рец. на книгу: «Свой»/«чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России) // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 247.

Николая II в конце XIX — начале XX в. по материалам британской прессы (гл. 14). Ею выявлена характерная для прессы смена тональности в оценках российского самодержца в зависимости от политического контекста эпохи: от «арбитра» и «гаранта мира» в начальный период до «Николая-кровавого» во время русско-японской войны и Русской революции 1905 г., что дало автору право утверждать, что британские публицисты в нужные моменты использовали образ российского императора в качестве «мощного инструмента русофобской пропаганды» (с. 296). Последующее внешнеполитическое сближение России и Великобритании, вернувшее британскую прессу после подписания Октябрьского манифеста к исходной терминологии, наглядно демонстрирует, как показано О.И. Галкиной, зависимость трактовки образа российского императора от его восприятия в категориях «свой»/«чужой» в британском общественном сознании.

На подобные трансформации восприятия образов обращают внимание и исследователи, статьи которых посвящены восприятию образа «своих» и «чужих» в контексте внешней политики и дипломатии XIX–XX вв. Эти главы представляется возможным объединить в условный раздел «дипломатической имагологии», одним из актуальных аспектов которой представляется вопрос об истоках и мотивах формирования негативного восприятия России представителями Запада. Так, М.В. Жолудов (гл. 10) на примере парламентских выступлений лорда Пальмерстона в 1830–1850-х годах показал, что системная русофобия, оформившаяся в Великобритании во второй половине XIX в., служила «непременным идеологическим инструментом британской политики по отношению к России», и одной из причин ее возникновения явилось значительное развитие в стране парламентских институтов (с. 198).

К аналогичным выводам приходит Т.Н. Гелла, анализируя политическую риторику британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в. (гл. 13). Справедливо отмечая, что британское правительство, манипулируя тезисом о «русской угрозе», «прикрывало свою экспансионистскую политику» (с. 268), автор утверждает, что, несмотря на преобладание в британском обществе русофобских настроений, среди членов парламента не было однозначного отношения к России (с. 273). С другой стороны, как убедительно показал А.Б. Ларин на примере взаимодействия российских дипломатов с британскими коллегами в Иране во второй половине XIX — начале XX в. (гл. 11), русские и британцы относились друг

к другу как к «своим», имея в виду принадлежность к той же европейской культуре. Однако нельзя не признать, что принадлежность к общеевропейской идентичности или, говоря словами автора, «цивилизационное единство русских и англичан как представителей Европы в Иране» (с. 236) не отменяло их соперничества на внешнеполитическом поприще. В этой связи уместно вспомнить слова британского политического агента Фрэнсиса Янгхазбенда по поводу Большой игры в Центральной Азии, приведенные в свое время Е.Ю. Сергеевым: «Мы и русские конкуренты, но я уверен, что российские и английские офицеры по отдельности скорее найдут общий язык друг с другом, чем с лицами из других стран»².

И.Р. Чикалова, изучая процесс трансформации образов «свой»/«иной»/«чужой»/«враг» на примерах восприятия в России англичан и немцев в период от начала Первой мировой войны до 1918 г. (гл. 16), установила, что под влиянием политических катаклизмов в общественном сознании россиян происходит изменения в восприятии образа «врага»/«союзника»: если до начала войны отчетливо проявлялись как англофобские, так и англофильские настроения при явных симпатиях к немцам, то в ходе войны образ англичан как соратников и союзников эволюционировал в «своих», хотя и «иных», тогда как образ немцев преобразовался в образ «врага» и «варвара» (с. 322). И напротив, после прихода к власти большевиков образ Англии и англичан трансформировался в «военно-политического врага», и наряду с призывами «закончить войну, бороться с теми силами внутри страны, кто развязал кровавую бойню», происходит постепенное размывание образа немца как «врага» (с. 341).

Рассматривая отношение к революционным событиям в России британских дипломатов, Е.Ю. Сергеев (гл. 17) также обращается к теме эволюции образа «свой»/«чужой», прослеживая динамику восприятия образа Ленина и его соратников (Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Л.Б. Красина и др.) правящими кругами Великобритании по уникальным материалам британской контрразведки первой половины 1920-х годов, лишь недавно ставшим доступными для исследователей в связи с окончанием срока давности (с. 344). Причины изменений оценочных суждений от откровенно враждебных в 1918 г. до умеренных

² Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 9.

и более объективных в 1920–1921 гг. автор видит в постепенном осознании в британских правительственных кругах «невозможности достигнуть устойчивого послевоенного миропорядка без участия России, пусть и большевистской», модернизация которой «объективно соответствовала интересам Соединенного Королевства», что определило внешнюю политику Британской империи в отношении большевистской России на последующие десятилетия (с. 356).

Тема восприятия России/СССР британской дипломатией продолжена Д.И. и Н.А. Портнягинными (гл. 20), исследовавшими британо-российские/советские отношения в первые годы после Второй мировой войны. Неизменным лейтмотивом британской дипломатии, как убедительно показано в статье, оставался тезис о непрерывной экспансии России/СССР как определяющем факторе российской внешней политики (с. 390). Подобная позиция, которая, по убеждению авторов, не отличалась должной объективностью, была обусловлена не столько «закрытостью Советского Союза и трудностью сбора информации», сколько исторически сформировавшимся негативным восприятием России, а затем и СССР как «абсолютно “чужих”: цивилизационно и геополитически, а с 1917 г. еще и идеологически» (с. 403). Исследование предлагает ключ к пониманию позиции Великобритании в отношении России/СССР как основного и постоянного конкурента на международной арене, когда «любые попытки расширения геополитического влияния СССР воспринимались как угроза интересам коллективного Запада», что лишний раз убеждает в неизменности парадигмы негативного восприятия России и объясняет, хотя и не оправдывает, традиционно антироссийскую направленность британской политической риторики.

Здесь, на мой взгляд, уместно обратить внимание на прозвучавший в рецензии А. Буллера упрек в адрес российских историков, якобы замыкающихся на «русофобии», что ставит под сомнение «возможность нейтрального и независимого познания прошлого»³. Действительно, тема «русофобии» неизменно поднимается в работах, посвященных прежде всего русско-британским отношениям XIX–XX вв., а несколько позже и российско-американским отношениям, в чем нет ничего удивительного, поскольку начиная с XIX в. Россия и Британия выступали главными игроками в Большой игре за пути к Индии, как это прекрасно показано Т.Н. Геллой. С этого времени глав-

ным тезисом стратегов британской политики была угроза британским индийским владениям со стороны России, что на десятилетия, если не на столетия, определило антироссийский вектор британской дипломатии.

В этой связи не совсем понятно недоумение А. Буллера по поводу того, что российские историки проявляют «повышенный интерес к этому феномену», хотя, казалось бы, для монографии, посвященной кросс-культурным, в том числе внешнеполитическим, коммуникациям Запада и России этот интерес более чем оправдан, более того — изучать истоки, формы, условия развития и тенденции подобного феномена представляется несомненным долгом отечественного историка. Между тем сам термин «русофобия», рефреном звучащий в российских исследованиях, нуждается в корректировке, как не вполне соответствующий тому смыслу, который в него вкладывается, но, к сожалению, авторы, активно использующие этот термин, не предприняли каких-либо попыток его интерпретации.

Политическим аспектам исторической имагологии посвящены исследования А.С. Соколова и А.В. Голубева, в которых образ «свой»/«чужой» рассматривается в фокусе революционных и военных событий XX в. Опыт диалога культур «как способа разрешения многих современных проблем» проиллюстрирован А.С. Соколовым (гл. 18) на примере восприятия Советской России известным ученым-путешественником и общественным деятелем Фритцефом Нансеном, причастным к организации и осуществлению в России в 1921–1923 гг. масштабных гуманитарных проектов. Как установлено автором, позиция Нансена по отношению к Советской России, при полном отсутствии симпатий и склонности к большевизму, сыграла заметную роль в укреплении позиций большевистской России на мировом рынке и признании ее со стороны стран Запада (с. 364).

Тема образа союзника, поднятая И.Р. Чикаловой, а также его эволюции в межвоенный период XX в. (1914–1945 гг.) получила развитие в исследовании А.В. Голубева (гл. 19), где представлен анализ формирования и функционирования союзнических коалиций, сам факт существования которых расценивался советским правительством как «подтверждение высокого международного статуса страны» (с. 383).

В заключительных главах монографии рассматриваются актуальные аспекты кросс-культурных коммуникаций в «постсоветский» период. Так, Б.В. Петелин (гл. 21), исследуя восприятие образа «свой»/«чужие» в «славянском

³ Буллер А. Указ. соч. С. 248–249.

мире», дает возможность увидеть полемику о мнимом или реальном «одиночестве России» в мировом международном сообществе в новом ракурсе. Анализируя возникновение феномена «одиночества России» среди славянских государств, автор видит его причины в глубоком кризисе, проявившемся в разобщенности славянских наций, внутренних конфликтах, отсутствии осознания этнической общности, что обусловило непрочность «славянского единства» как «духовного союза с опорой на Россию» (с. 404). Однако наличие фактов, свидетельствующих об «утопичности создания “всеславянского союза”», не поколебало оптимистических прогнозов автора, полагающего, что «одиночества у нашей страны быть не может» (с. 418).

А.А. Линченко, исследуя особенности автобиографической памяти и исторической идентичности старшего поколения русских немцев, переехавших в конце 80 — начале 90-х годов XX в. в ФРГ, но сохранивших «ориентацию на советские ценности и культурные практики» (гл. 22), установил влияние на формирование образа «своего»/«чужого»/«другого» миграционного процесса как важного фактора «временной интеграции личности человека» (с. 437).

Особый интерес представляет исследование А.Л. Гуге (гл. 23), который в целях выявления стереотипов в представлениях современных немцев, французов и россиян о «своей» и «чужой» стране использовал метод количественного анализа тестовых рисунков (с. 439), чем значительно разнообразил и без того обширный инструментарий, используемый авторами монографии. Продемонстрировав высокую степень адекватности результатов тестирования на примерах оценок экономического, политического, культурного взаимовосприятия Франции, Германии и России в контексте парадигмы «свой»/«чужой»/«враг», автор приходит к заключению, что, несмотря на различия, относящиеся к «пространственно-географи-ческой» категории, представление о «другом» в сознании современного человека формируется «не противоположно представлениям о “своем”, а параллельно ему» (с. 449).

Как можно видеть из приведенной классификации содержания по отдельным «категориям» исторической имагологии, такое разделение не всегда представляется возможным — трудно, а порой и невозможно выявить границы, где, к примеру, дипломатическая имагология не переходит в политическую или внешнеполитическую, тем более что все они не отделены от имперской. В этом отношении оправданы сомнения Т.Л. Лабутиной: настолько ли необходимо при анализе отдельных компаративистских процессов выделять их из общеисторической имагологии и выигрывает ли от этого сама историческая наука (с. 57)?

В целом следует отметить, что представленный в монографии компаративный анализ кросс-культур-ных коммуникаций стран Запада и России позволяет по-новому взглянуть на феномен диалога культур как принципиально важный этнокультурный фактор, проследить динамику и трансформацию взаимоотношений стран и народов. Расширена и географическая составляющая исследований, охватывающая несколько континентов и включающая такие страны, как Россия, Франция, Великобритания, Германия, Куба, Аргентина, Индия, Иран, из чего можно заключить, что проблематика кросс-культурных и имагологических исследований заслуженно занимает все более прочное место в исторической науке.

Однако остро чувствуется отсутствие исследований, охватывающих российско-северо-американскую проблематику, тем более что Соединенные Штаты Америки перехватили у Британии роль не только ведущей мировой державы, но и геополитического конкурента России, когда «антироссийский фактор» становится неотъемлемой частью внешней политики США. Не возникает сомнений, что расширение области авторских исследований на страны не только Запада, но и Востока позволит создать стереоскопическую картину диалога культур в мировом масштабе в целях осмысления истинного места и роли России в исторической перспективе.

Библиография

Буллер А. Восприятие «другого»/«чужого» в культурном пространстве между Россией и Западом (Рец. на книгу: «Свой»/«чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России) // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 246—250.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 9.

References

Buller A. Vospriyatie “Drugogo”/ “Chuzhogo” v kul'turnom prostranstve mezhdru Rossiej i Zapadom (Rec. na knigu: “Svoj”/“Chuzhoj” v kross-kul'turnyh kommunikacijah stran Zapada i Rossii.) /The Perception of the “Other”/“Alien” in the cultural space between Russia and the West (Rec. ad op.: “Your”/“Alien” in cross-cultural communications in the West and Russia) // Novaya i novejšaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. S. 246—250. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856—1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otno-shenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [A Great game, 1856—1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and Eastern Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)